

УДК 332.012.23

САГИДОВ ЮРИЙ НУРМАГОМЕДОВИЧ

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник отдела
социально-экономической политики региона,
Институт социально-экономических исследований
ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия,
e-mail: sagidov39@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-3-53-65

САМОРАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ¹

Аннотация. Введение. В представленной статье обоснована необходимость актуализации проблемы перехода регионов на саморазвитие, решение которой в России практически полностью игнорируется. Основной довод: высокоразвитыми странами являются те, в которых центром (органами государственного управления) создаются условия побуждения регионов к реализации собственных инициатив развития по критериям достижения регионами экономической состоятельности как основы политической и экономической состоятельности самого государства. Исходя из этого положения автором ставятся задачи исследования причин игнорирования актуализации проблемы саморазвития регионов и методологическое обоснование мер побуждения перехода регионов на саморазвитие. **Методология.** Автор утверждает, что Россия в течение всего послесоветского периода претерпевала не несколько дискретных кризисов, как принято отражать в научных публикациях, а находилась и остается в состоянии одного перманентно протекающего кризиса. Такой подход позволяет дать оценку результатов развития страны в едином временном пространстве. Это является основой методологической достоверности в характеристике и оценке выполнения автором цели и задач исследования — определения роли и состояния саморазвития регионов в контексте с исследованием отношений между центром и регионами как средоточия системных преобразований и обоснования подходов к их совершенствованию. В качестве инструментариев исследования используются труды отечественных и зарубежных ученых, касающихся проблемы включения в общественное производство людских ресурсов в качестве человеческого капитала, а также статистическая и практическая информация. **Анализ и результаты.** В работе выполнены характеристики и сравнения результатов реализации двух моделей политического и экономического обустройства по приоритетам статусов «регионы — центр» и «центр — регионы». Автор приходит к выводу о том, что практическая реализация обеих моделей привела в конечном итоге к реставрации подобию советского централизованного института политического и экономического управления в худшем варианте его экстрактивного исполнения. Регионы оказались отрешенными от возможности проявления инициативы активной хозяйственной деятельности, что угнетало и продолжает угнетать основы состоятельности государства и предопределяет детерминированную обусловленность его стагнации и деградации. В заключении даны выводы и обоснованы подходы к погашению негативных сторон модели отношений «центр — регион», предусматривающих трансформацию отношений между центром и регионами на качественно иной уровень, предполагающий согласование интересов на рыночных основах. **Ключевые слова:** централизация управления экономикой; саморазвитие субъектов Федерации как фактор политической и экономической демократизации; ресурсы развития; методологическое основы саморазвития.

SAGIDOV YURI NURMAGOMEDOVICH

Dr.Sc of Economics, Doctor of Economics, Professor,
Chief Researcher of the Department of Socio-Economic Policy of the Region,
Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia,
e-mail: sagidov39@mail.ru

¹ Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института социально-экономических исследований Дагестанского Федерального исследовательского центра РАН на 2021–2023 гг. по теме «Активизация социально-экономического развития экономически периферийных регионов России», № гос. регистрации FMSW-2022-0017.

SELF-DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE FEDERATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN RUSSIA

Abstract. Introduction. The presented article substantiates the need to actualize the problem of the transition of regions to self-development, the solution of which is almost completely ignored in Russia. The main argument: highly developed countries are those in which the center (public administration bodies) create conditions for encouraging regions to implement their own development initiatives according to the criteria for achieving economic viability by regions as the basis of the political and economic viability of the state itself. Based on this provision, the author sets the tasks of investigating the reasons for ignoring the actualization of the problem of self-development of regions and methodological justification of measures to encourage the transition of regions to self-development. **Methodology.** The author argues that Russia during the entire post-Soviet period did not undergo several discrete crises, as it is customary to reflect in scientific publications, but was and remains in a state of one permanent crisis. This approach makes it possible to assess the results of the country's development in a single time space. This is the basis of methodological reliability in the characterization and evaluation of the author's fulfillment of the purpose and objectives of the study – determining the role and state of self-development of regions in the context of the study of relations between the center and the regions as the focus of systemic transformations and substantiating approaches to their improvement. The research tools used are the works of domestic and foreign scientists concerning the problem of the inclusion of human resources in social production as human capital, as well as statistical and practical information. **Analysis and results.** The paper describes and compares the results of the implementation of two models of political and economic development according to the priorities of the statuses "regions – center" and "center – regions". The author comes to the conclusion that the practical implementation of both models eventually led to the restoration of the similarity of the Soviet centralized institute of political and economic management in the worst version of its extractive execution. The regions turned out to be detached from the possibility of taking the initiative of active economic activity, which oppressed and continues to oppress the foundations of the state's solvency and predetermines the deterministic conditionality of its stagnation and degradation. In conclusion, the conclusions are given and approaches to the repayment of the negative aspects of the "center – region" relationship model are substantiated, providing for the transformation of relations between the center and the regions to a qualitatively different level, assuming the coordination of interests on a market basis.

Keywords: centralization of economic management; self-development of the subjects of the Federation as a factor of political and economic democratization; development resources; methodological foundations of self-development.

Введение. О саморазвитии территориальных систем в России экономисты заговорили в 80-х годах прошлого века, что явилось следствием методологических поисков в развитии хозяйственных отношений на разных уровнях экономической деятельности: рабочих бригад, участков (цехов), предприятий, министерств. Это нашло отражение, например, в характерном исследовании Д.Е. Сорокина. Что касается территориального аспекта саморазвития, то стартовым побудителем можно считать выступление Н.А. Назарбаева в мае 1989 года на Первом Съезде народных депутатов СССР, в который он обосновал основной тезис своего доклада: «...только сильные республики – основа сильного центра. Надо на деле расширить права всех республик как равноправных, суверенных членов федеративного союза...». Доклад по своей сути отражал ситуацию назревшей необходимости проявления органами государственного и местного управления территорий, а также руководителями предприятий и организаций собственной инициативы в экономическом развитии, ограниченной рамками советской централизованной системой управления экономикой страны [3; 19].

На переломе смены советской формации последовал подъем внимания к проблеме, инициированной одним из основных лозунгов-фабул смены – политической и экономической демократизации социума. Внимание было катализировано парадом суверенитетов субъектов Российской Федерации (далее – регионов), а также прозвучавшей известной фразой руководителя страны (Б.Н. Ельцина) о том, что регионы могут брать свободы столько, сколько захотят. Злободневными были вопросы разделения полномочий между федеральными и региональными

властями, переноса части полномочий и ответственности из центра в регионы; разгорелась дискуссия по обоснованию одной из двух альтернатив: «сильный центр и слабые регионы» и «сильные регионы и слабый центр».

Внимание ученых-экономистов и специалистов к проблеме саморазвития регионов в постсоветский период менялось; в первом десятилетии и частично во втором возрастало. В ряде научно-исследовательских институтов и вузов страны сформировались научные школы по исследуемой проблеме. Наиболее заметные результаты исследований опубликованы членами сообщества школы академика А.И. Татаркина, сформировавшегося в Институте экономики УрО РАН. Немаловажный вклад внесли ученые научных школ Института экономики РАН, Волгоградского, Саратовского и др. государственных университетов, а также отдельные исследователи. Во втором десятилетии интенсивность отражения в публикациях результатов исследований стала заметно снижаться, и к концу третьего, то есть к настоящему времени, публикации по соответствующей тематике стали редкостью [2; 4; 21].

В то же время в практической экономической действительности наблюдалась параллель значительного сокращения во времени числа хозяйственно самостоятельных регионов России. Так, если в 1991 году, по данным Росстата, из 85 регионов страны было 67 регионов, не нуждавшихся в дотационных вспомоществованиях, и 18 нуждавшихся, то в настоящее время 72 нуждаются и только 13 не нуждаются в дотациях. То есть протекавший процесс сокращения числа успешных регионов в аспекте возможного их саморазвития отражал явно выраженный отрицательный вектор. Поэтому представляется целесообразным:

– определить, остается ли в настоящее время необходимость перехода регионов на саморазвитие с позиций значимости этого процесса в совершенствовании политического и экономического обустройства страны;

– если саморазвитие регионов необходимо, то следует выяснить, по каким причинам этот процесс имел вектор отрицательной направленности;

– дать критический анализ сложившегося понятия о саморазвитии региона как категории;

– обосновать меры побуждения регионов к переходу на режим саморазвития.

Саморазвитие регионов в реалиях нынешнего состояния экономики. Слабый экономический рост и непробуждающееся развитие экономики. Характеризуя тридцатилетний период становления в России новой общественной формации, в литературе, как правило, в качестве заметных вех отмечают различные виды протекавших так называемых кризисов: связанный с трансформационной перестройкой (1990–1992 гг.), долговой (1998–2000 гг.), под воздействием мирового финансового кризиса (2008–2009), экономико-политических санкций (с 2013 г.). Но последний кризис в настоящее время считается наслаивающимся кризисом, связанным с пандемией COVID-19. Такой спектр характеристик не соответствует классическому пониманию сущности кризиса. Результатом преодоления кризиса должен быть выход экономической системы на более высокий уровень развития. В России же ни в одном из указанных периодов не наблюдался экономический рост на основе экономического развития, и сохранялся незавидный рейтинг эффективности экономики по ВВП на душу населения стран мира – 50-53 места (по данным ВБ и МВФ) [7; 11; 24].

По данным Всемирного Банка, с 1990 по 1992 год ВВП России вырос на 252 %. Но, во-первых, если рассматривать этот рост на уровне мировых экономик, то он весьма скромный. Рост экономики, например Китая, был интенсивнее в 9 раз, Вьетнама – в 4,2 раза, Индии – 3,6, Индонезии – 2,2. Уступала Россия по интенсивности роста экономики и ряду развивающихся стран Латинской Америки и Африки, некоторым государствам бывшего социалистического лагеря и даже ближнего зарубежья. Статистика ООН отражает тенденцию снижающегося рейтинга России в экономике мира: в 1990 году он был определен 7-м местом, в 1999 – 9-м, в 2020 -м – 11-м. А по уровню жизни населения Россия занимает место в интервале 67–90 среди 149 стран [11; 16].

Во-вторых, рост экономики был неустойчивым. Его всплески не были результатом развития на основе модернизации. Они были обусловлены спекулятивными факторами. А именно Россия была ориентирована не на развитие производства материальных благ на основе деятельности людей, являющейся по Адаму Смиту источником национального богатства, а на выемку из кладовых земли ресурсов, являющихся творением природы, и их продажу в условиях меняющихся мировых цен. Ресурсная ориентация экономики страны сохраняется весь период последних 30 лет. По данным Росстата, в экспорте преобладал вывоз природных ресурсов, а в импорте – ввоз готовой продукции. В 2019 году 64,9 % экспорта составляли минеральные продукты, а в импорте превалировал ввоз машин, оборудования и транспортных средств –

47,3 %. Вывоз высокотехнологичной продукции из страны составляет 11,0 %, а ввоз – 67,2 %. Даже визуально наблюдается исчезновение отечественной промышленной продукции, формирующей индустриальную базу хозяйства страны, – электроники, машин, механизмов, технологического оборудования и пр. Зато появилась одноименная импортная продукция. Академик С.Ю. Глазьев в своем фундаментальном исследовании отражает, что Россия не только не встала на путь 6-го технологического уклада, осваиваемого развитыми странами, но и значительно утратила позиции 5-го, формировавшегося в стране в конце 80-х годов прошлого века [4; 18; 22].

В-третьих, ресурсная ориентация привела к потерям в отраслевой диверсификации экономики, существенному разрушению межрегиональных вертикальных и горизонтальных интеграционных связей, разорению многих предприятий сферы материального производства, размыву комплексности и территориальной сбалансированности экономики, опасному нарастанию различий в уровнях развития регионов. Все это противодействует основам синергизма и эмерджентной в организации хозяйства страны и регионов, создает условия политической напряженности и социальной нестабильности в обществе.

Уход от фабулы системных преобразований – политической и экономической демократизации. Нетрудно предположить, что причины социально-экономической деградации в России кроются в том, что в протекавшем трансформационном процессе общество заблудилось в выборе стратегического направления в политическом и экономическом обустройстве страны. Как ни странно, не было обращено внимание на то, что при любом выборе одного из двух ангажированных приоритетов – «сильный центр и слабые регионы» или «сильные регионы и слабый центр» – трудно избежать потери в развитии страны. Приоритет полномочий регионов в начале реформ в ущерб полномочиям центра наметил явную направленность к хаосу и центробежным устремлениям. Но и приоритет полномочий центра в ущерб полномочиям регионов оказывается способен привести к экономической дистрофии страны, также чреватой угрозой ее развала. К сожалению, не была принята во внимание возможность третьей альтернативы – «сильный центр и сильные регионы», которая была озвучена М.С. Горбачевым в 1988 году, но и была забыта.

Тем не менее выбор был сделан; в большей части постсоветского периода в России сохранялась устойчивая тенденция стремления к установке «Сильный центр и слабые регионы». Во втором десятилетии двухтысячных годов была изменена административная структура управления; регионы были включены в территориальные федеральные округа, замкнутые на Президента РФ. Параллельно реализовывались меры экономического обеспечения роста роли центра, в том числе в управлении экономикой. А именно принципиальные основы Бюджетного кодекса РФ 1998 года, определявшие разделение федерального бюджета между центром и субъектами Федерации в равных 50-процентных соотношениях, фактически игнорировались. Центр монополизировал в своем распоряжении использование более 90 % добываемых природных ресурсов, централизует более 65 % налоговых доходов и сохраняет устойчивую тенденцию изобретения все новых видов поборов.

Нельзя признать иначе как нонсенсом то, что меры по централизации властных полномочий, средств и ресурсов сочетались с часто озвучиваемой центром установкой о необходимости «ухода государства из экономики». Эта установка в фактически сложившихся условиях отсутствия общественного контроля над деятельностью органов государственного управления обернулась уходом органов власти от ответственности за результативность управления социально-экономическим развитием страны [5; 10; 16; 27].

Аксиоматичны оценочные характеристики компетентных экономистов страны Г.А. Явлинского и Г.О. Грефа, которые видят слабость социально-экономического развития России «... в отсутствии государственного аппарата, способного и готового всерьез работать...» [23].

К сожалению, власть остается глухой и игнорирует научно обоснованные предупреждения ученых о перспективе экономического развития, чреватого приближением к пределу национальной безопасности страны. Как отмечал академик А.И. Татаркин, при существующей чрезмерной централизации властных полномочий, средств и ресурсов на федеральном уровне и излишней регламентации деятельности органов регионального и муниципального управления неизбежно проявляется неэффективное расточительное отношение к централизуемым средствам. Автор утверждает необходимость проявления политической воли высшего руководства РФ «пойти на децентрализацию организации управления экономикой страны и расширение возможностей нижестоящих органов власти, системнее и на рыночных принципах осваивать институт саморазвития» [20].

На этих же позициях находится академик А.Г. Аганбегян. Он на достоверной основе обра-

щает внимание на неэффективное расточительное использование центром бюджетных средств, существенное завышение средств на зарплаты руководителей государственных компаний, отраслей естественных монополий, а также работников представительных и исполнительных органов всех уровней власти. Приводятся данные: доля расходов на госаппарат в ВВП России в 2,5 раза выше, чем в США, в 3 раза выше, чем в Германии, в 4 раза выше, чем в Великобритании. В 1985 году расходы на содержание государственного аппарата составляли 0,8 % от бюджетных расходов, а в 2018 году – 15 %. Один чиновник приходился на 115 жителей, а в 2018 году – на 5. Автор предлагает «прекратить ежегодное принудительное государственное повышение цен в угоду государственных монополий и олигархов, перекладывая трудности государственной организации на население и других потребителей». Он акцентирует внимание на том, что все составляющие макроэкономической политики (особенно ценовая, налоговая, кредитная, ссудный процент) преследуют преимущественно фискальные цели [2].

В высказывании обоих ученых виден алгоритм сохранения процесса дистрофии России. То есть чтобы поддерживать определенный уровень централизации средств и ресурсов, включается механизм их изъятия из регионов посредством, во-первых, повышения цен на продукцию естественных монополий, что ведет к общему росту цен и росту налоговых отчислений, и, во-вторых, путем систематического введения новых налогов и разных платежных поборов. Рост налогового пресса опережает рост в регионах налоговой базы. У регионов как генераторов совокупного воспроизводства экономического потенциала страны не оказываются возможности не только для его диверсифицированного наращивания, но и для обеспечения простого воспроизводства экономического потенциала. Это особенно характерно для регионов с экономикой периферийного характера, таких как, к примеру, 6 отстающих в экономическом развитии регионов Северного Кавказа, Еврейской А.О., Республик Калмыкия, Алтай и Тыва. Именно следствием нарастающего изъятия ресурсов центром стало сокращение числа регионов-доноров и нарастание числа регионов-реципиентов дотационных средств.

Все больше становится понятным, что путь жесткого централизованного экономического и политического управления, на который поставили страну федеральные власти, бесперспективен. В России усиление централизации власти обычно приводит к авторитаризму, при котором, как правило, проявляются субъективизм и волюнтаризм в проявлении политической воли. Как следствие – во многом нарушается действие экономических законов, которое распространяется в первую очередь на распоряжение экономическими ресурсами. Основными целями и задачами центральной власти России, на решение которых требуется постоянное наращивание значительных средств, являлись и продолжают оставаться модернизация армии, геополитические интересы в ближнем и дальнем зарубежье, труднообъяснимое финансирование так называемых терминами ООН «несостоявшихся государств». Сюда же относится присвоение различными способами значительных средств и ресурсов олигархией – опорой всей иерархии власти. Подавляющее большинство затрат на претворение указанных целей осуществляется в порядке субъективных несистемных решений, которые ни в текущих периодах, ни в видимой перспективе не дают экономической отдачи и создают инвестиционный дефицит в отечественных отраслях материального производства [9; 12; 25].

Из-за нарастающей остроты дефицита инвестиционных средств управление экономикой центром осуществляется посредством диктата целевых направлений использования ресурсов. Это положение вкупе с финансовой несостоятельностью подавляющего большинства регионов значительно ограничивает региональные управленческие и предпринимательские структуры в проявлении суверенной инициативы в решении проблем социально-экономического развития. Так, например, при разработке проекта Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2035 года в конечном периоде наступило разочарование в целесообразности ее завершения, так как стало ясно, что выделение центром регионам средств ограничиваются только целями, предусмотренными майскими указами Президента РФ – целями поддержания социальной стабильности, но не экономического развития. Такое же разочарование постигло и другие регионы. В этих условиях устремления региональных органов власти акцентируются на конкурентной борьбе за трансфертные вспомоществования. Этой борьбе уделяется внимание, затеняющее необходимость решения задач обеспечения экономического развития.

Излишняя централизация экономического управления заводит страну не только в экономическую, но и в политическую ловушку. Нетрудно понять, что центр не желает сокращать рамки централизации, считая ее одним из скрепов предупреждения риска центробежных устремлений регионов и потери территориальной целостности страны. Создается даже впечатление, что федеральный центр относится позитивно к росту количества регионов, нуждающихся в

дотациях, поскольку дотации оказываются пуповиной, привязывающей регионы к центру. Авторитетный эконом-географ Н.В. Зубаревич считает, что центр спекулирует угрозой риска потери территориальной целостности, чтобы оправдать сохранение существующей системы политического и экономического обустройства, неэффективной по своей сути. Пока же, считает она, в видимой перспективе Россия приговорена к длительной стагнации, которая отодвигает ее к странам третьего мира» [7; 13].

Существенное значение имеет также состояние экономического обустройства. Это особенно касается тех макроэкономических инструментариев, которые в настоящее время слабо способствуют созидательной экономической деятельности и даже во многом являются тормозом в ее сферах – управлении, предпринимательской и исполнительской деятельности.

Признаками роста и развития экономики мог бы быть показатель доли инвестиций в ВВП. Но эта доля в России не превышает 17 % (далее – данные Росстата и МВФ), что в 2,5–3 раза меньше необходимой. Этот показатель корреспондируется как производный с рядом других показателей. Так, явно низким является уровень монетизации экономики – 43 % ВВП (для справки: в США – 70 %, Франции – 92 %, Китае – 198 %), малая доля кредитных ресурсов (менее 56 % ВВП), высокий ссудный процент (до 17 %) – близкий, и даже превышающий норму прибыли многих предприятий, повышенная инфляционная напряженность (порою до 11 %), чрезмерные налоги на бизнес и неразвитость рыночных инвестиционных фондов. Выглядит все это странным на фоне того, что совокупный объем активов банков страны превышает 75 трлн руб.; похоже, что банки увлекаются ростовщичеством в ущерб развитию экономики.

Из сказанного следует: чрезмерная централизация федеральным центром властных полномочий, средств и ресурсов вкупе со сбросом изначальной фабулы построения новой общественной формации на принципах политической и экономической демократизации сохраняют страну в состоянии перманентно протекающего кризиса с рядом негативных признаков. Не созданы основы для раскрытия потенциала созидательной деятельности людей. Сохраняется процесс снижения экономической состоятельности регионов, не способствующий их переходу на режим саморазвития. Федеральный центр, в силу принятой формы управления, не заинтересован в переходе регионов на саморазвитие.

Критика сложившегося понятия о категории «Саморазвитие региона». Отражение понятия о саморазвитии региона в научных публикациях. Вторым фактором, тормозящим саморазвитие регионов, является слабость методологического обоснования сути понятия о саморазвитии. Рассмотрим основные характеристики определения ее сути, отражаемые в публикациях исследователей по темам, касающимся этой категории.

Ключевым определением сути саморазвития региона многие исследователи считают формулировку школы академика А.И. Татаркина: «Под саморазвитием территориальных экономических систем понимается устойчивая способность региона (муниципального образования) в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общенациональных приоритетов, так и внутри региональных целевых установок системного характера» [21; 29].

Это определение конкретизируется характеристиками ряда других исследователей, в том числе как приверженцами школы А.И. Татаркина, так и другими исследователями.

Е.Д. Игнатьева и О.С. Мариев дополняют характеристику саморазвития «расширенное производство ВРП» параметром «...превышающее среднее значение по России», а также критериями: «...самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление». Эти же авторы характеризуют саморазвитие его целевой установкой – создание благоприятных условий жизнедеятельности и качества жизни населения территорий, а также рационального использования природного, производственного, научного, трудового, демографического, социального и культурного потенциалов территорий и повышения активности. Эту общую функцию авторы расчленяют на ее составляющие: экономическую, финансовую, демографическую, социальную, экологическую [8].

В.С. Федоляк определяет назначение саморазвития задачей «...эффективного использования экономического потенциала региона» [22]. Несколько шире постановка у В.Н. Лексина: «...сбалансированное и взаимонеразрушающее воспроизводство социального, хозяйственно-ресурсного и экологического потенциалов территории» [14].

Группа исследователей, возглавляемая Ю.Г. Лавриковой, утверждает: «под саморазвитием социально-экономической системы любого масштаба понимается ...саморегулирование при практическом отсутствии внешнего воздействия». Следует также отметить, что авторы стоят

на позициях приоритетного внимания государства в «перераспределении ресурсов в пользу формирования механизма саморазвития на наиболее перспективных территориях» [12].

Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков, А.А. Некрасов дают саморазвивающейся системе характеристику как способную самостоятельно определять цели своего развития и критерии их достижения, а также обеспечивать рост собственными доходными источниками. Авторы конкретизируют рост ВРП в качестве критерия отнесения региона в число саморазвивающихся территорий – приращение ВРП должно быть больше среднего по стране; второй критерий – обеспеченность собственными доходными источниками. Методологически обосновывают потенциал саморазвития региона как совокупность частных потенциалов: экономического, финансового, социального, демографического и экологического [6].

С.В. Дорошенко утверждает: саморазвитие региона предполагает способность его систем адаптироваться к меняющимся внешним условиям; не все регионы способны к саморазвитию; саморазвивающийся регион должен использовать свои уникальные природные ресурсы, позволяющие обеспечить конкурентоспособную хозяйственную специализацию [5].

Е.Н. Сидорова и Д.А. Татаркин считают, что слаборазвитые регионы для перехода к саморазвитию должны преодолеть дотационное состояние. Развитие региона в этом периоде нельзя считать саморазвитием [17].

Ф.М. Автономов обращает внимание на то, что устойчивую результативность в экономическом развитии не всегда можно считать признаком саморазвития региона. Саморазвивающимся можно считать регион, если результативность достигается на основе действия «движущей силы саморазвития – инициативы со стороны самой территориальной единицы» [1].

Слабость методологических посылов стимулирования саморазвития регионов. В толковых словарях суть термина «Саморазвитие» не раскрывается; объяснение сути адресуется на термин «Самодвижение». В Философском энциклопедическом словаре «самодвижение» – это «движение, имеющее источник, причину в самой движущейся вещи» [9]. Дается пояснение, концепция самодвижения в своей функции отрицает «внешний толчок». Не отрицая то, что саморазвитие региона имеет общность с понятием о самодвижении как о движении, имеющем источник, причину в самой движущейся вещи, надо иметь в виду, что регион – это один из элементов системы – страны, и это ограничивает степень самостоятельности связей с целью обеспечения устойчивости всей системы. То есть может быть как общность, так и различие в понятиях о самодвижении и о саморазвитии региона.

На основе сказанного можно дать формулировку: под саморазвитием региона понимается движение, имеющее источник, причину в самом регионе, и осуществляющее развитие на основе проявления собственной инициативы в интересах реализации как своих целей и задач системного характера, так и макроэкономических и общесистемных (общенациональных) приоритетов.

Эта формулировка определяет объект исследования – движущие силы развития общества (в данном случае – региона как социально-экономической системы) с акцентом на проявление собственной инициативы и возможной самостоятельности в развитии. Как известно, основной движущей силой развития является противоречие между ростом потребностей и производством. В поле внимания должны быть такие предметы исследования, как условия проявления в регионе инициатив реализации созидательного труда населения. В этом суть категории «Саморазвитие региона» [26; 30; 31].

В предыдущем параграфе отражено довольно скромное приближение исследователей к понятию о саморазвитии. Оно ограничивается такими характеристиками, как минимизация внешних управленческих воздействий [6], самостоятельность определения регионом целей и задач своего развития с учетом макроэкономических установок [12], а также тем, что достигнутые экономические результаты могут быть признаны полученными на основе саморазвития, если была проявлена собственная управленческая и исполнительская инициатива [1]. При этом оговорка об инициативе остается простой констатацией и не рассматривается как предмет исследования. Это мы считаем одним из проявлений того, что в преобладающем большинстве исследований происходит подмена понятий о категории «Саморазвитие региона» понятиями о категориях «Устойчивое развитие» и «Территориальное развитие», оставляющими вне рассмотрения корневые основы саморазвития.

Разумеется, между всеми тремя категориями существует общность. Например, во всех категориях формулируется во многом одни и те же цели и задачи – достижение комфортных условий жизни населения региона, эффективное использование ресурсов, учет и выполнение макроэкономических установок и пр., и тем не менее категория «Саморазвитие региона» имеет свою идентификацию, определяемую объектом и предметами исследования.

Смещение категорий сужает рамки возможного перехода на саморазвитие значительного числа регионов. Используются термины «способный» и «не способный» к саморазвитию регион. Если принять во внимание существующие критерии отнесения Организацией Объединенных Наций стран или территорий к числу способных или временно не способных развиваться самостоятельно, то в России нет регионов, объективно не способных к саморазвитию. Авторы должны были бы использовать термины «возможность» или «невозможность» саморазвития по тем или иным сложившимся условиям. К числу регионов, не способных к саморазвитию, авторы относят, если:

- прирост ВРП не стабилен и не превышает средний прирост по стране;
- не имеет стартовый экономический потенциал;
- собственные природные ресурсы незначительны;
- регион дотационный.

Можно возразить по поводу первой позиции. Регион, достигший стабильный рост ВРП на душу населения собственными усилиями, логично относить к числу саморазвивающихся регионов независимо от величины прироста ВРП – превышающей или не превышающей среднюю величину прироста по стране.

Две следующие позиции тоже несостоятельны. Факты свидетельствуют о том, что не всегда связь между ресурсной обеспеченностью страны и экономическим развитием прямая. Россия имеет колоссальные ресурсные условия, но отстает в экономическом развитии от Японии, не имеющей подобного ресурсного благополучия.

Следует вообще обратить внимание на некорректность исследователей в подходе к определению ресурсного потенциала саморазвития. Предлагается его обчислять также, как если бы он выполнялся в обычном порядке при составлении программ развития территории [7]. Пример развития так называемых новых индустриальных стран (НИС) свидетельствует о том, что при определении потенциала саморазвития необходимо учитывать состояние общественной среды как многостороннего фактора побуждения людей к созидательному труду. Это отражают Р. Холл и Ч. Джонс в своей модели развития, в которую они включают не только традиционные факторы роста – физический капитал, финансы, труд и т.д., но и социальные, политические, институциональные, а также географические условия [24]. На любой территории, которая является обжитой независимо от природно-ресурсных условий, их богатства или бедности, имеется один ресурс обязательного присутствия – это люди. Они при здоровом состоянии общественной среды способны привлечь извне все ресурсы, необходимые для собственного экономического развития.

Что касается дотационности регионов, то это является издержки неэффективной политики государственного управления территориальным развитием. Ее надо сохранить до тех пор, пока регионы не выйдут из этого состояния, включая максимум собственных усилий. Отнесение дотационных регионов в число саморазвивающихся было бы вряд ли обоснованным. Поэтому из 85 регионов России только 13, не нуждающихся в дотациях, можно считать (с определенными допущениями) саморазвивающимися. 72 дотационных региона нельзя отнести в число фатально неспособных самостоятельно развиваться. И их нельзя освобождать от обязательности проявления собственных усилий и инициативы по преодолению дотационности с целью становления на режим саморазвития.

И уж совсем далеки от научного подхода к решению проблемы саморазвития авторы, которые предлагают дискриминацию – приоритетное внимание государства в поддержке ресурсами экономически успешных регионов в ущерб остальным [5; 12]. Кажется, что эти исследователи далеки как от политической компетентности, так и от знания теории синергетического развития.

Многие (большинство) методологические посылы, отражаемые авторами, не могут способствовать внедрению саморазвития регионов. Более того, эти посылы будут сохранять ныне укоренившееся иждивенчество регионов, проявляющееся в конкуренции за получение дотаций, отвлекающее от усилий решения проблем развития регионов.

Вариант стратегии «Сильные регионы – основа сильного центра и мощи государства». Логика дальнейшего мышления проста. Если мы видим, что страна заблудилась в выборе способа политического и экономического обустройства, то надо обратиться к другой модели. Ученые экономисты помнят, что во всем постсоветском тридцатилетии только на одном небольшом отрезке времени была успешной попытка возбуждения развития экономики. Это отрезок времени, когда правительство возглавлял академик Е.Н. Примаков. Проявленный им талант позволял тогда и позволяет ныне принять во внимание его видение необходимого обустрой-

ства страны. Свои труды, касающиеся этого аспекта, Е.Н. Примаков посвятил необходимости уделить серьезное внимание повышению статуса территориальных социально-экономических систем в социально-экономическом и общественном развитии. Он акцентировал внимание на насущной необходимости «отведения регионам и муниципалитетам роли локомотивов пространственного обустройства России с учетом особенностей структуры их экономики, социально-культурных и национальных традиций» [15].

То есть речь идет о модели «Сильные регионы – основа сильного центра и мощи страны», обуславливающей взаимное усиление регионов и центра и являющейся основой сильного государства. Такая модель не новинка в мировой практике. Все развитые страны мира строят отношения между центром и регионами на основах взаимного согласования интересов по вертикальным и горизонтальным связям независимо от формы государственного устройства – федеративного (к примеру, США, Германия), унитарного (Франция, Тайвань) или монархии (Великобритания, Япония).

Для вывода регионов из нынешнего состояния и повышения их роли в собственном развитии и развитии экономики страны требуются существенные меры совершенствования политических и экономических преобразований. В данной статье не ставится цель решения задач их подробного обоснования и разработки. Это предмет отдельного глубокого исследования. Однако все же представляется необходимым обрисовать отдельными штрихами эскиз необходимого политического и экономического переустройства в российском социуме как основы решения подобных проблем саморазвития регионов [25; 27; 28].

Стартовой позицией согласования интересов является необходимость иметь доктрину идеи обустройства социума, которая позволяла бы видение его желаемого состояния и определяла бы общую ориентацию и мотивационные цели созидательной деятельности людей. Главное требование к доктрине – идея должна быть приемлема подавляющим большинством членов общества.

Но этого не достаточно. Доктрина идеи подобных – это, как правило, совокупность фобул-лозунгов, определяющих дальние мотивационные цели. В возможность выполнения этих лозунгов можно верить, но можно в них и разувериться, как это было, например, с целями построения в СССР коммунизма к началу 80-х годов прошлого века. Нереальность этих лозунгов привела людей к неверию не только в идеи коммунизма, но и к разочарованию в существовавшем социализме, приведшему к последующим коллизиям. Выполнимость целей дальней мотивации должна подтверждаться мерами, реализуемыми в текущих периодах, которые позволяли бы поддерживать в общественном мышлении уверенность, соответствующую формуле – «сегодня жизненные условия лучше, чем вчера, а завтра будут лучше, чем сегодня».

Сказанное определяет необходимость, во-первых, соблюдения в процессах государственного управления установок Конституции Российской Федерации. В настоящее время они во многом нарушаются. В государственном управлении не участвует общество. Оно отрешено элитарным сообществом, сохраняющим долговременный захват власти. Несменяемость власти обеспечивается антиконституционными мерами противодействия проявлению гражданской активности и торможением развития институтов гражданского общества. Это определило несостоятельность сложившейся системы выборов как института обеспечения продвижения по социальным лифтам в органы управления членов общества высокой профессиональной компетентности, а также имеющее особое значение в согласовании интересов – возможность оценки, контроля и привлечения к ответственности государственных органов власти.

По убеждению автора, в России, ввиду исторически сложившейся формы унитарного территориально-государственного устройства, в видимой перспективе вряд ли целесообразно что-либо иное. Но это не значит, что допустима такая степень авторитаризма, при которой органы власти находятся вне возможности оценки и контроля их деятельности по критериям результативности социального и экономического развития страны и регионов. Поэтому все меры политического обустройства должны быть направлены на достижение эффективной системы этой оценки и контроля. Какие именно должны быть меры, необходимо решать с учетом исторически сложившихся факторов в порядке междисциплинарного подхода – политологами, экономистами, историками, социологами и другими специалистами. Но одной из мер, имеющей принципиальное значение в политическом обустройстве, стоит уделить внимание. Речь идет о развитии гражданского общества как основы политической и экономической демократизации, при которой управленческий класс будет «приговорен» к эффективной деятельности и ответственности за ее результаты.

В обеспечении реальности развития институтов гражданского общества важно уяснить, что течение этого процесса должно быть независимым от политических амбиций власти. Он будет

успешным, если ему просто не мешать. А сегодня этот процесс искусственно тормозится такими шоковыми действиями, как разгон демонстраций, аресты демонстрантов, похищение людей и пр. Но тем не менее содействие государства развитию гражданского общества необходимо, поскольку история свидетельствует, что успешными были только те реформы, которые инициировались и проводились «сверху» – государством. И эта проводка должна выразиться в следующем:

Парламентарам РФ и регионов необходимо:

- внести поправки в правовые акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан и свести к минимуму допущенные отклонения от институций Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 г.;

- выработать четкий кодекс разграничения признаков конструктивной оппозиции и экстремизма.

Исполнительные органы власти не должны:

- принимать какие-либо меры по спонсорской поддержке институтов гражданского общества;

- препятствовать возникновению и саморазвитию гражданских структур и движений;

- подавлять оппозиционную гражданскую активность. Эта формула не распространяется на экстремизм.

Первым важным признаком, свидетельствующим об оживлении Гражданского общества, окажется свободная явка на выборы не менее 60 процентов избирателей, как это было до октября 1993 года.

Существенное значение имеет также совершенствование экономического обустройства. На какие недостатки необходимо обратить внимание мы отметили в параграфе 1.2. Это особенно касается тех макроэкономических инструментариев, которые в настоящее время во многом являются тормозом в проявлении созидательной трудовой деятельности во всех сферах – управления, предпринимательской и исполнительской деятельности. Есть мнение, что первичен приоритет решения проблемы политического обустройства. Именно от решения этой проблемы зависит, какими должны быть конкретные меры по совершенствованию экономического обустройства. Меры экономического обустройства, предлагаемые вне политического обустройства, окажутся не одухотворенными ответственностью органов государственного управления за результаты социально-экономического развития.

Заключение. На уровне мировых экономических сравнений Российская Федерация определяется как страна со слабым экономическим ростом, поддерживаемым преимущественно продажей природных ресурсов и с не пробуждающимся экономическим развитием. РФ переместилась по объему экономики (ВРП) с третьего на одиннадцатое место, а по уровню ВРП на душу населения находится среди стран мира на сорок шестом месте. Одна из главных причин кроется в том, что страна попала в экономическую ловушку. А именно: излишняя централизация властных полномочий и ресурсов в федеральном центре приводит к сокращению экономического потенциала регионов. Такое положение сохраняется из года в год, то есть носит характер перманентно протекающего процесса сокращения экономического потенциала регионов и как следствие – страны. Для выхода из этого положения необходимо:

1. Отказаться от реализуемой в настоящее время в социально-экономическом развитии страны стратегии обустройства по модели «Сильный центр – слабые регионы» и осуществить переход на реализацию стратегии сильные регионы – основа сильного центра и мощи страны.

2. Принять новый закон «Бюджетный кодекс Российской Федерации», который определит формирование федерального бюджета по критерию реализации стратегии социально-экономического развития по модели «Сильные регионы – основа сильного центра и мощи страны».

3. Разработать и реализовать системный комплекс мер государственного обустройства, направленного на демократизацию экономики, в том числе побуждающего регионы на проявление суверенных инициатив развития на основе принципов самодвижения/саморазвития с учетом собственных интересов и интересов стабильного развития страны. Для практического обеспечения исполнения перехода регионов на режим саморазвития необходимо коренным образом пересмотреть сложившиеся методологические основы понятия о саморазвитии региона.

4. Следует исключить сложившуюся в методологических основах поглощенность идентификационной сути категории «Саморазвитие региона» категориями «Территориальное разви-

тие» и «Устойчивое развитие». Такое исключение позволит четко обозначить роль и ответственность в суверенной инициативе региональных органов управления и менеджмента в росте и развитии экономики региона.

5. Не допускать дискриминационного неравноправного подхода в создании условий перехода на режим саморазвития для разных по уровню экономического развития регионов.

6. При определении потенциала саморазвития необходимо учитывать не только известные факторы общественного производства, капитал, труд, земля и т. д., но и качественные и количественные характеристики неэкономических факторов экономического роста и развития.

7. Считать регион саморазвивающимся по критерию стабильного роста ВРП на душу населения независимо от его потребности в дотационных вспомоществованиях, если прирост достигается усилиями органов управления, предпринимательской и трудовой деятельности в регионе.

Немаловажное значение имеет корневой вопрос о том, какими должны быть стимулы побуждения реализации необходимых преобразований. Ограничиваясь только экономикой как наукой, невозможно найти ответ на этот вопрос. В нынешних условиях заданности в России конституционных основ демократии и гражданской активности нет никакого иного фактора, кроме вероятностной надежды на приход к власти государственных деятелей-патриотов, глубоко осознающих необходимость защиты страны от возможных катастрофических коллизий, потери стабильности общества и территориальной целостности. Такое осознание необходимости самозащиты должно охватить все слои-страты населения страны и регионов.

Литература

1. Автономов А.М. Раскрытие категории «саморазвития региона» в современной экономической литературе / А.М. Автономов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. – 2005. – Вып. 4, ч. 2. – С. 45–50.
2. Аганбегян А.Г. Размышления о финансовом форсаже (по мотивам книги «Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика» / А.Г. Аганбегян // Деньги и кредит. – 2015. – № 8. – С. 5–10.
3. Выступление Назарбаева Н.А. 30 мая 1989 г. на Первом Съезде народных депутатов СССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst02.htm> (дата обращения: 12.01.2023), свободный. – Загл. с экрана.
4. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба») / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2021. – 640 с.
5. Дорошенко С.В. Регион как саморазвивающаяся система: адаптация к инновационному типу развития / С.В. Дорошенко. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2010. – 239 с.
6. Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф., Некрасов А.М. Формирование саморазвивающихся регионов: теоретические основы и динамика развития / Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков, А.М. Некрасов // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 13(292). – С.10–21.
7. Зубаревич Н.В. Шизофрения федерального центра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=NpZRhSCC_Qk (дата обращения: 12.01.2023), свободный. – Загл. с экрана.
8. Игнатъева Е.Д., Мариев О.С. Методологические основы и инструментарий оценки потенциала саморазвития региональных социально-экономических систем / Е.Д. Игнатъева, О.С. Мариев // Экономика региона. – 2009. – № 2. – С. 116–129.
9. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев, С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
10. Как изменилось место России по уровню жизни и экономике в мире в 2021 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ostrovrusa.ru/na-kakom-meste-rossiya-po-urovnyu-zhizni-v-mire> (дата обращения: 12.01.2023), свободный. – Загл. с экрана.
11. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 1) / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-107-123
12. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Душин А.В., Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. Регионы России: классификация по признаку саморазвития / Ю.Г. Лаврикова, В.В. Акбердина, А.В. Душин, Е.Н. Сидорова, Д.А. Татаркин // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – №19(154). – С. 2–15.
13. 51 штат США или реально ли отделение Сибири от России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9eed5118430d00b31e9207/51-shtat-ssha-ili-realno-li-otdelenie-sibiri-ot-rossii-5e451e76a4700360727f7a3b> (дата обращения: 12.01.2023), свободный. – Загл. с экрана.
14. Лексин В.Н. Территориально-отраслевое развитие в понятиях диалектики / В.Н. Лексин. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 352 с.
15. Примаков Е. Не просто работать, а знать во имя чего. 2015 / Е. Примаков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://matlas.livejournal.com/3113122.html> (дата обращения: 12.01.2023), свободный. – Загл. с экрана.

16. Сагидов Ю.Н. «Уход государства из экономики» – методологический посыл для коллизий в основах преобразований в России / Ю.Н. Сагидов // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2013. – 9(198). – С. 12–18.
17. Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. От дотационности к саморазвитию территорий: диалектика трансформации / Е.Н. Сидорова, Д.А. Татаркин // *Экономика региона*. – 2012. – № 4. – С. 39–40.
18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 4–5 / А. Смит. Санкт-Петербург: Азбука, 2020. – 704 с.
19. Сорокин Д.Е. Саморегулирование в социалистической экономике / Д.Е. Сорокин. – М.: Экономика, 1990. – 157 с.
20. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий / А.И. Татаркин // *Экономика региона*. – 2016. – Т. 12, вып.1. – С. 9–27. doi 10.17059/2016-1-1
21. Татаркин А.И., Дорошенко С.В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис / А.И. Татаркин, С.В. Дорошенко // *Экономика региона*. – 2011. – № 1. – С. 15–23.
22. Федоляк В.С. Саморазвитие регионов как способ реализации экономического потенциала / В.С. Федоляк // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. – 2017. – Т.17, № 4. – С. 428–433. – DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433
23. Явлинский Г. Я. Экономическая система для периферийной системы / Г.Я. Явлинский // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2015. – № 2(26). – С. 173–178.
24. Hall R., Jones Ch. Jones Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? / R. Hall, Ch. Jones // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. No. 1. P. 83–116.
25. Mareeva S. Socio-economic inequalities in modern Russia and their perception by the population / S. Mareeva // *The Journal of Chinese Sociology*. 2020. Vol. 7:10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40711-020-00124-9>
26. Martynov I.A., Erokhina E.V. Analysis of innovative activity of organizations in the subjects of the Russian Federation / I.A. Martynov, E.V. Erokhina // *International Student Scientific Magazine*. 2018. Vol. 5. P. 89–89.
27. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political processes, socialization institutions and youth policy subjects of modern Russia / N.G. Osipova, S.O. Elishev, G.B. Pronchev, D.N. Monakhov // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017. Vol. 8, is. 2(24). P. 545–558. DOI: 10.14505/jarle.v8.2(24).25
28. Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth / V. Plotnikov, G. Fedotova, E. Popkova, A. Kastyurina // *Regional and Sectoral Economic Studies*. – 2015. Vol. 15–20. P. 105–114.
29. Russia in the system of international relations, political and economic. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stuklopechat.com/novosti-i-obschestvo/77183-rossiya-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy-politicheskikh-i-ekonomicheskikh.html> (date of access: 02/15/2022), свободный. – Загл. с экрана.
30. Sagidov Y. N. Activization of Development of Economically Peripheral Regions of Russia / Y. N. Sagidov // *International Journal of Energy and Environmental Science*. 2019. Vol. 4(6). P.77–85. DOI: 10.11648/j.ije.20190406.12
31. Volkov S.K. Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories / S.K. Volkov // *Regional and Sectoral Economic Studies*. 2015. Vol. 15–20. P. 137–144.

References:

1. Avtonomov A.M. Raskrytie kategorii «samorazvitiya regiona» v sovremennoj ekonomicheskoy literature / A.M. Avtonomov // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9*. – 2005. – Вып. 4, ч. 2. – С. 45–50.
2. Aganbegyan A.G. Razmyshleniya o finansovom forsazhe (po motivam knigi «Finansovyie strategii modernizatsii ekonomiki: mirovaya praktika») / A.G. Aganbegyan // *Den'gi i kredit*. – 2015. – № 8. – С. 5–10.
3. Vystuplenie Nazarbaeva N.A. 30 maya 1989 g. na Pervom S'ezde narodnyh deputatov SSSR. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst02.htm> (data obrashcheniya: 12.01.2023), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
4. Glaz'ev S.YU. Ekonomika budushchego. Est' li u Rossii shans? («Kollekciya Izborskogo kluba») / S.YU. Glaz'ev. – М.: Knizhnyj mir, 2021. – 640 s.
5. Doroshenko S.V. Region kak samorazvivayushchayasya sistema: adaptaciya k innovacionnomu tipu razvitiya / S.V. Doroshenko. – Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN, 2010. – 239 s.
6. Zaharchuk E.A., Pasyukov A.F., Nekrasov A.M. Formirovanie samorazvivayushchih regionov: teoreticheskie osnovy i dinamika razvitiya / E.A. Zaharchuk, A.F. Pasyukov, A.M. Nekrasov // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. – 2013. – № 13(292). – С.10–21.
7. Zubarevich N.V. SHizofreniya federal'nogo centra. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=NpZRhSCC_Qk (data obrashcheniya: 12.01.2023), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
8. Ignat'eva E.D., Mariev O.S. Metodologicheskie osnovy i instrumentarij ocenki potenciala samorazvitiya regional'nyh social'no-ekonomicheskikh sistem / E.D. Ignat'eva, O.S. Mariev // *Экономика региона*. – 2009. – № 2. – С. 116–129.
9. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev, S. M., Panov V. G. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* / L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. – М.: Sovetskaya enciklopediya, 1983. – 840 s.
10. Kak izmenilos' mesto Rossii po urovnyu zhizni i ekonomike v mire v 2021 godu. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ostrovru.ru/na-kakom-meste-rossiya-po-urovnyu-zhizni-v-mire> (data obrashcheniya: 12.01.2023), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
11. Klejner G.B. Ustojchivost' rossijskoj ekonomiki v zerkale sistemoj ekonomicheskoy teorii (CHast' 1) / G.B.

- Klejner // *Voprosy ekonomiki*. – 2015. – № 12. – S. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-107-123
12. Lavrikova YU.G., Akberdina V.V., Dushin A.V., Sidorova E.N., Tatarkin D.A. *Regiony Rossii: klassifikaciya po priznaku samorazvitiya* / YU.G. Lavrikova, V.V. Akberdina, A.V. Dushin, E.N. Sidorova, D.A. Tatarkin // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. – 2010. – №19(154). – S. 2–15.
13. 51 shtat SSHA ili real'no li otdelenie Sibiri ot Rossii. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9eed5118430d00b31e9207/51-shtat-ssha-ili-realno-li-otdelenie-sibiri-ot-rossii-5e451e76a4700360727f7a3b> (data obrashcheniya: 12.01.2023), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
14. Leksin V.N. *Territorial'no-otraslevoe razvitie v ponyatnyh dialektiki* / V.N. Leksin. – M.: INFRA-M, 2008. – 352 s.
15. Primakov E. *Ne prosto rabotat', a znat' vo imya chego*. 2015 / E. Primakov. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://mamlas.livejournal.com/3113122.html> (data obrashcheniya: 12.01.2023), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
16. Sagidov YU.N. «Uhod gosudarstva iz ekonomiki» – metodologicheskij posyl dlya kollizij v osnovah preobrazovanij v Rossii / YU.N. Sagidov // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. – 2013. – 9(198). – S. 12–18.
17. Sidorova E.N., Tatarkin D.A. *Ot dotacionnosti k samorazvitiyu territorij: dialektika transformacii* / E.N. Sidorova, D.A. Tatarkin // *Ekonomika regiona*. – 2012. – № 4. – S. 39–40.
18. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. Kn. 4–5 / A. Smit. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2020. – 704 s.
19. Sorokin D.E. *Samoregulirovanie v socialisticheskoj ekonomike* / D.E. Sorokin. – M.: Ekonomika, 1990. – 157 s.
20. Tatarkin A.I. *Regional'naya napravlenost' ekonomicheskoj politiki Rossijskoj Federacii kak instituta prostranstvennogo obustrojstva territorij* / A.I. Tatarkin // *Ekonomika regiona*. – 2016. – T. 12, vyp.1. – S. 9–27. doi 10.17059/2016-1-1
21. Tatarkin A.I., Doroshenko S.V. *Region kak samorazvivayushchayasya social'no-ekonomicheskaya sistema: perekhod cherez krizis* / A.I. Tatarkin, S.V. Doroshenko // *Ekonomika regiona*. – 2011. – № 1. – S. 15–23.
22. Fedolyak V.S. *Samorazvitie regionov kak sposob realizacii ekonomicheskogo potenciala* / V.S. Fedolyak // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2017. – T.17, № 4. – S. 428–433. – DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-428-433
23. YAvlinskij G. YA. *Ekonomicheskaya sistema dlya periferijnoj sistemy* / G.YA. YAvlinskij // *ZHurnal Novoje ekonomicheskoj asociacii*. – 2015. – № 2(26). – S. 173–178.
24. Hall R., Jones Ch. *Jones Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others?* / R. Hall, Ch. Jones // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. No. 1. R. 83–116.
25. Mareeva S. *Socio-economic inequalities in modern Russia and their perception by the population* / S. Mareeva // *The Journal of Chinese Sociology*. 2020. Vol. 7:10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40711-020-00124-9>
26. Martynov I.A., Erokhina E.V. *Analysis of innovative activity of organizations in the subjects of the Russian Federation* / I.A. Martynov, E.V. Erokhina // *International Student Scientific Magazine*. 2018. Vol. 5. R. 89–89.
27. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. *Social and political processes, socialization institutions and youth policy subjects of modern Russia* / N.G. Osipova, S.O. Elishev, G.B. Pronchev, D.N. Monakhov // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017. Vol. 8, is. 2(24). P. 545–558. DOI: 10.14505/jarle.v8.2(24).25
28. Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. *Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth* / V. Plotnikov, G. Fedotova, E. Popkova, A. Kastyurina // *Regional and Sectoral Economic Studies*. – 2015. Vol. 15–20. R. 105–114.
29. *Russia in the system of international relations, political and economic*. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://stuklopechat.com/novosti-i-obschestvo/77183-rossiya-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy-politicheskikh-i-ekonomicheskikh.html> (date of access: 02/15/2022), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
30. Sagidov Y. N. *Activization of Development of Economically Peripheral Regions of Russia* / Y. N. Sagidov // *International Journal of Energy and Environmental Science*. 2019. Vol. 4(6). R.77–85. DOI: 10.11648/j.jjees.20190406.12
31. Volkov S.K. *Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories* / S.K. Volkov // *Regional and Sectoral Economic Studies*. 2015. Vol. 15–20. R. 137–144.